

ДОСТУПНУЮ СРЕДУ НЕОБХОДИМО простраивать в голове

Евгений Александрович Ямбург,
заслуженный учитель РФ, доктор педагогических наук,
действительный член (академик) РАО, директор
московского Центра образования № 109, Москва

Курс на инклюзивное образование, зафиксированный в новой редакции Закона об образовании РФ, не вызывает возражений. Но реальная практика показывает, что его реализация обнажает массу проблем. Одна из которых: примитивное представление о том, что всё дело сводится к оборудованию доступной среды для людей с ограниченными возможностями. Но практика показывает, что пандусами и лифтами дело не ограничивается. По большому счёту, в первую очередь пандусы и лифты, способные поднять на подлинное осознание проблемы, необходимо прежде всего строить в головах администраторов, педагогов и родителей здоровых учеников. Накануне 1 сентября в одной из школ полумиллионного города центральной России разразился скандал, которого можно было избежать.

Бессовестное управление

(«Ваш ребёнок болен раком? Вот выздоровеет, тогда приходите».)

Что происходит, когда пропадает совесть? На этот вопрос находим ответ в русской классике.

«Пропала совесть. По-старому толпились люди на улицах и в театрах; по-старому они то догоняли, то перегоняли друг друга; по-старому суетились и ловили куски, и никто не догадывался, что чего-то вдруг стало недоставать и что в общем жизненном оркестре перестала играть какая-то дудка. Многие начали чувствовать себя бодрее и свободнее. Легче сделался ход человека: ловчее стало подставлять ближнему ногу, удобнее льстить, пресмыкаться, обманывать, наушничать и клеветать. <...> Люди остервенились; пошли грабежи и разбои, началось всеобщее разорение.

А бедная совесть лежала между тем на дороге, истерзанная, оплёванная, затоптанная ногами пешеходов» (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Ох, уж эти русские классики. Всё-то они про нас знали и предвидели. «Пропала совесть» — всего лишь сказка, которая, увы, не входит в обязательную программу школы. А жаль. Если не детям, то взрослым она бы многое прояснила. Ведь давно замечено: мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Доказательства? Извольте.

Мы с коллегами вот уже несколько лет проводим обучение детей, находящихся на длительном излечении в клиниках. С этой целью в рамках проекта «УчимЗнаем» на базе Детского центра онкологии и гематологии им. Дмитрия Рогачёва и Республиканской детской клинической больницы, где годами лечатся дети из всех регионов России,

были созданы школьные зоны, оборудованные самыми современными средствами обучения, специально подготовлены педагоги, способные организовать процесс обучения в соответствии со спецификой тяжёлого заболевания каждого ребёнка. В результате эти дети успешно сдают ЕГЭ, побеждают в олимпиадах и поступают в вузы. Проект «Учим.Знаем» начат и поддержан правительством Москвы, а затем вышел за её пределы. И сегодня подобные школы на базе клиник работают уже в 7 регионах России. На очереди ещё 5 крупных городов, где идёт подготовка к открытию таких школьных площадок, на базе которых дети могут одновременно и лечиться, и учиться. Тут бы порадоваться победному продвижению по стране реального инновационного проекта. Но неожиданные проблемы возникают, когда дети возвращаются в школы по месту жительства.

Ребёнок, который проходил лечение и обучение на базе Российской детской клинической больницы, успешно сдал ОГЭ. К счастью рак сегодня не приговор, многих детей врачи выводят в ремиссию, что позволяет им продолжать обучение в родных школах, периодически проходя медицинское наблюдение.

Но директор родной школы, где мальчик обучался с 1-го класса, категорически отказал матери в зачислении ребёнка в школу. Он, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель РФ, заявил несчастной матери: «Ваш ребёнок болен раком? И как прикажете его учить? Вот выздоровеет, тогда приходите». Родители обратились в Департамент образования города. Но они напрасно пытались достучаться до души и сердца директора и чиновников. В отчаянии мать ребёнка бросилась за помощью в Москву. Я лично разговаривал с директором и чиновниками, но хождение ребёнка и его семьи по мукам продолжалось.

Увы, в тупиковой ситуации пришлось использовать административный ресурс, мобилизовав всю властную вертикаль, включая

федерального министра, который немедленно отреагировал на вопиющую ситуацию и дал соответствующее поручения. Печально, когда каждый раз приходится бить из пушек по воробьям, иначе говоря, использовать административный нажим там, где совесть должна подсказать педагогам и администраторам единственно верное решение. Не берусь судить о других сферах деятельности, но в педагогике отсутствие совести — диагноз несовместимый с профессией.

После пережитого стресса мальчик вновь прибывает на реабилитацию, во время которой мы стремимся сделать всё возможное, чтобы привести его в нормальное состояние.

К счастью, примеры солидарных бескорыстных действий во имя спасения ребёнка также имеют место. В тот самый день, когда стало известно в подробностях о липецкой драме мальчика и его матери, мы все пребывали в радостном возбуждённом состоянии. На то были веские причины.

Несколько лет в ожидании донорской почки в клинике обучался подросток, которого готовили к сдаче ЕГЭ. Но в этом случае совесть покинула его отца. Он обзавёлся новой семьёй, где вскоре родился здоровый ребёнок, и прервал всякое общение с больным сыном. Мать в стрессе — слабая опора подростку, который впал в депрессию и был близок к суицидальному состоянию. Мы немедленно обратились за помощью в Московский государственный психолого-педагогический университет, откуда немедленно прислали опытных клинических психологов, которые сделали всё возможное для того, чтобы вывести парня из угнетённого состояния. В частности, выяснив, что его хрустальная мечта — иметь современное альпинистское снаряжение (до болезни мальчик занимался этим видом спорта), они посоветовали реализовать его желание, несмотря на то, что при таком диагнозе это снаряжение

едва ли найдёт практическое применение. Совет школы принял соответствующее решение, и часть средств, полученных в результате благотворительной ярмарки, ушла на приобретение необходимой амуниции.

И что вы думаете? Минувшим летом подростку была успешно пересажена донорская почка, он блестяще сдал ЕГЭ и поступил в университет! Это ли не повод для радости. И я искренне благодарен ректору Московского психолого-педагогического университета В.В. Рубцову и его специалистам за своевременную оперативную помощь. Но самое поразительное, что подросток сам нашёл контакт с отцом. Так что ещё неизвестно, кто кого учит: мы, взрослые, их или они, побывавшие на грани жизни и смерти, нас! Об этом неплохо бы помнить всем, кто так или иначе соприкасается с проблемой обучения длительно болеющих детей.

Тотальная безграмотность администраторов и боязнь ответственности

Тем временем ситуация с мальчиком, которому было отказано в продолжении обучения в родной школе, попала в СМИ. После чего так называемая общественность, напрочь забыв о проблемах ребёнка, разделилась на два враждующих лагеря. Одна её часть обвинила маму мальчика в том, что она опорочила заслуженного директора и именитую школу. Другой лагерь потребовал немедленной расправы над директором, а в Интернете посыпались угрозы в адрес его семьи и внуков. Воистину, посеешь ветер — пожнёшь бурю. Казалось бы, чего проще — извиниться перед матерью и немедленно исправить некрасивую ситуацию. Но образовательные чиновники заняли уклончивую трусливую позицию, выжидая «естественное» развитие событий.

Масла в огонь подлила уполномоченная по правам ребёнка (!) этой области, Людмила Куракова, которая выступила со статьёй, где утверждалось, что мама больного ребёнка должна была предоставить в школу медицинскую справку о том, что мальчик безопасен для окружающих детей. Поразительная безграмотность всех администраторов, включая

государственного служащего, поставленного для защиты прав детей! В науке этот феномен дикости и безграмотности именуется «стигматизация». Надо всем раз и навсегда зарубить на носу: **рак не заразен! Маска на лице ребёнка защищает его иммунитет**, ибо любая инфекция может пагубно отразиться на ходе его выздоровления. Чего требовать от родителей здоровых детей, коль скоро облечённые властью чиновники демонстрируют полную некомпетентность в элементарных вопросах. Тем более, что ребёнок с проблемами в здоровье объективно сокращает время на занятия с остальными детьми. А как известно, своя рубашка ближе к телу, когда на одной чаше весов гуманистические подходы к образованию в целом, а на другой — прагматические заботы о карьере собственного ребёнка. Короче говоря, **без широкой кампании по подготовке здоровых детей и их родителей к нормальному восприятию появляющихся в классах учеников с ОВЗ реализация концепции инклюзивного образования обречена на провал.**

Гиперболизация функции контроля в управлении — препятствие к инклюзии

Я не сторонник усекновения повинной головы директора, допустившего серьёзную ошибку. Такое очевидное простое решение не снимает проблему. В конце концов — это пожилой руководитель, имеющий заслуги перед образованием, в данный момент находящийся на больничном листе. Не дай Бог, не выдержав публичного позора, человек получит инфаркт. Абсолютно адекватная мама больного ребёнка зла на него не держит и крови не жаждет. Кто-кто, а она прекрасно понимает, что на чужих костях счастье собственного ребёнка не построить. Потому она всячески избегает прямых контактов с журналистами, для которых

вся эта история всего лишь прекрасный повод сделать скандальную рейтинговую передачу в прямом эфире.

Нет, я не пытаюсь выгораживать коллегу, исходя из соображений цеховой солидарности. Но при этом отдаю себе отчёт в том, что подобные коллизии, где липецкая история отнюдь не единственная, выявляют фундаментальный дефект системы управления образованием. Вот что написал мне мой коллега, директор школы одного из регионов России.

«Мы, учреждения, как огня боимся детей с ОВЗ. При получении такого ребёнка моментально возникает необходимость удвоить количество писанины, якобы необходимой для полноценной деятельности учителя. Учителя, ведущие занятия в классе пусть даже с одним подобным ребёнком, должны пройти соответствующие курсы квалификации. На уроке, и без того дефицитном на время при обильном количестве учеников, необходимо предусмотреть отдельные методики, методы, способы доведения для него информации и получения непростой обратной связи. При этом тебя периодически будут кошмарить надзорные инстанции, которые мало интересуются твоими благими намерениями. Предписания и взыскания не уйдут. Я не против толерантности, общения, смешения всех детей, но для этого условия должны быть соответствующие: расширенный штат школы, повышенный норматив, медицинское сопровождение, отсутствие всеобъемлющего контроля, и надзора, так страстно блюдущего права ребёнка».

Вывод очевиден: не создавая должных условий, необходимых для инклюзивного обучения, государство ужесточает контроль за деятельностью образовательных учреждений, формально продавливая исполнение федерального закона, а на деле вызывая скрытое упорное сопротивление педагогов и администраторов.

Без овладения учителями необходимыми компетенциями в рамках нового профессионального стандарта педагога инклюзивное образование невозможно

В откровенном высказывании директора обращает на себя внимание сопереживание педагогам, «которые должны пройти соответствующие курсы квалификации». А что прикажете делать, коль скоро контингент учащихся усложняется с каждым годом? Да, овладение перегруженным учителем новыми профессиональными компетенциями для него дополнительная головная боль. Но его некомпетентность в вопросах инклюзии боль не меньшая. К тому же чреватая уголовной ответственностью.

СМИ переполнены леденящими душу историями психологического насилия со стороны педагогов по отношению к детям. Одна учительница заклеила рот первокласснику, мешавшему работать всему классу, скотчем. Другая начертала на лбу ученика слово «Дурак». Против обеих возбуждены уголовные дела. Что и говорить, такие истории не красят педагогов и подрывают престиж учительской профессии, который и так не слишком высок в обществе. Можно сколь угодно возмущаться противоправными действиями педагогов, подпадающими под статью Уголовного кодекса. Но лично я вижу здесь трагедию непрофессионализма. Не берусь судить о каждом случае, не зная подробностей. Но подозреваю, что у ребёнка, которому заклеили рот, синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). У таких детей интеллект в норме, но внимания они не держат и мешают работать всем остальным учащимся. Выводить из класса такого ребёнка педагог не имеет права, ибо несёт за него ответственность. От бессилия учитель пускается во все тяжкие. А теперь поставьте перед собой профессиональный вопрос: кот учил этого педагога работать с такими детьми? Количество диагнозов можно умножить, но факт остаётся фактом: количество детей с когнитивными и прочими потерями

неуклонно возрастает. (Анализ причин, приводящих к этому явлению, выходит за рамки этой статьи.)

Вот почему, разрабатывая новый профессиональный стандарт педагога, особое внимание уделили психолого-педагогическим компетенциям. Среди которых:

1. Готовность принять разных детей, вне зависимости от их реальных учебных возможностей, особенностей в поведении, состояния психического и физического здоровья. Профессиональная установка на оказание помощи любому ребёнку.
2. Способность в ходе наблюдения выявлять разнообразные проблемы детей, связанные с особенностями их развития.
3. Способность оказать адресную помощь ребёнку своими педагогическими приёмами.
4. Готовность к взаимодействию с другими специалистами в рамках психолого-медико-педагогического консилиума.

Перечень необходимых современному педагогу компетенций можно продолжить. Но дело не в их перечислении. Совершенно очевидно, что невладение специальными инструментами (технологиями) работы с особыми детьми может привести сегодня к полному краху педагогической карьеры. К слову сказать, к главной компетенции педагога я отношу постоянную готовность к обновлению своих знаний.

Разумеется, профессиональный стандарт педагога предполагает владение своим предметом. Плохо, когда историк не знает в совершенстве свой предмет. Худо, когда математик не твёрд в своей науке и не в состоянии справиться с заданиями ЕГЭ. Кто бы спорил. Но предметная подготовка учителя — это сегодня условие необходимое, но явно недостаточное для работы в новых изменившихся условиях.

Между тем в последнее время всё настойчивей раздаётся критика профстандарта педагога. Критики обвиняют авторов стандарта в так называемом «распредмечивании» подго-

товки учителя и предлагают вернуться к традиционному повышению квалификации учителей на предметной основе. Вольному воля, но тогда на инклюзии надо поставить крест.

И вновь о совести

Разумеется, всё сказанное выше не сводится к защите чести мундира и проявлению ложно понятой корпоративной солидарности. Цель этих заметок иная — обнажить реальные проблемы, мешающие реализации концепции инклюзивного образования. Проблемы у всех одинаковые, но решают их люди по-разному: по совести или вопреки ей.

Чеканская аграрная средняя школа Увинского района Удмуртской Республики РФ, из письма директора сельской (!) школы:

«В июле 2016 года девочке Юле, учащейся нашей школы, перешедшей в 8-й класс, поставили диагноз рак 4-й стадии в Республиканской клинике. Она до этого не раз ездила в районную больницу с жалобами на здоровье, но диагноз был поставлен неправильно.

С того момента за её жизнь начали бороться не только её отец, бабушка и врачи, но и включились односельчане. Учащиеся школы давали благотворительные концерты по району, чтобы собрать деньги для Юли. Село наше небольшое, но на поддержку Юли собрали денег, которых хватило, чтобы она съездила в Московскую клинику и прошла полную диагностику и получила рекомендации по лечению. В Удмуртии девочка прошла курс лечения, была очень слаба, но сейчас у Юли ремиссия, а 1 сентября 2017 года она пришла учиться в родную школу в 8-й класс. Мы за неё очень рады. Вы бы видели, как она учится, с каким воодушевлением участвует во всех школьных делах!»

Маленькое село и полумиллионный город.
Почувствуйте разницу!

Оптимистический финал

После таких писем я не теряю надежды на то, что, вопреки объективным и субъективным трудностям, инклюзивное образование укоренится в российских школах. А ещё я верю в чудо. Четверть века назад в одной из первых книг я обозначил подходы к обучению больных детей, один из которых вызвал кривые усмешки солидных учёных: тест — не диагноз; диагноз — не приговор; каждый ребёнок имеет право на чудо.

Летом этого года у нас на базе Центра онкологии и гематологии им. Дмитрия Рогачёва блестяще сдавала ЕГЭ девочка из Казани, Лиза Петухова. В разгар экзаменов в её жизни случилось невероятное событие.

Лиза — музыкально одарённый ребёнок. Она с детства мечтала записать настоящий профессиональный диск. Тяжёлая болезнь — не повод отказываться от мечты. Поэтому между болезненными медицинскими процедурами она не только осваивала про-

грамму средней школы, но и занималась вокалом с преподавателем. А затем к работе с ней абсолютно бесплатно подключились известные рок-музыканты: группа «Ума Турман», певица Любаша, певец «Grizzly», певица Виктория Черенцова, певец Анатолий Жуков, поэтесса Мария Гончарова, певец Анатолий Беркут, певец Андрей Алексин. В результате появился изумительный диск «Звёзды для Лизы». Этот диск при стечении медиков, педагогов и юных пациентов клиники она триумфально презентовала минувшим летом. Восторг переполненной специфической аудитории объяснялся не только исполнительским мастерством юной певицы, но зримым выражением того, что, вопреки даже самым тяжёлым обстоятельствам жизни, можно добиваться поставленной цели. Своим примером Лиза дала надежду всем юным пациентам, которые с восхищением поздравляли девушку. Вручая ей цветы, мальчик со сходным диагнозом сказал: «Я хочу, чтобы ты долго жила!» Он знал, что пожелать. И его пожелание сбылось. Замечательно, что Лиза поступила в музыкальное училище. Но самое поразительное — исчезли все признаки заболевания, онкологи их не находят. Рак отступил!